

Бай Муюнь зачерпнул ложку каши, подул на неё и поднёс к губам Лу Яня:

— А-а...

Лу Янь послушно открыл рот, сияя влюблёнными глазами. Прожевав, он мягко коснулся руки Муюня и с нескрываемой заботой прошептал:

— Ты не устал? Может, я всё-таки сам?

Бай Муюнь нежно улыбнулся:

— Ничуть. Мне в радость за тобой ухаживать.

Цзинь Фэйфэй, наблюдавшая за этой сценой с холодным безразличием, не выдержала:

— Ну ещё бы, держать ложку целых пять минут — это же титанический труд. Бедный наш Бай-гэ, руки, небось, совсем отваливаются.

Влюблённые пропустили её язвительное замечание мимо ушей. Они продолжали нежно переглядываться, полностью погружённые в процесс: один кормил, другой послушно открывал рот.

Чуть позже Бай Муюнь принялся чистить яблоко. Когда нож случайно соскользнул, едва задев кожицу, Лу Янь тут же в панике вцепился в его руку, рассматривая «рану».

— Больно? — участливо спросил он. — Давай поцелую, чтобы не болело?

— Не больно, — успокоил его Муюнь. — Даже крови нет.

— Как же не больно, вон след остался! — Лу Янь едва не плакал. — Говорил же тебе, не утруждайся!

Фэйфэй закатила глаза:

— Ох, травма несовместимая с жизнью. Срочно зовите реанимацию, а то царапина заживёт до прихода врача.

Они снова её проигнорировали. Один сокрушался, другой утешал...

Когда Лу Янь попытался подняться, Муюнь мгновенно подскочил к нему:

— Стой, не двигайся!

— Я просто в туалет хотел, — послушно замер Лу Янь.

— Я помогу дойти.

— Да брось, тут всего пара шагов.

— Не обсуждается, — отрезал Бай Муюнь. — А если споткнёшься?

Лу Янь довольно прищурился:

— Ну ладно.

— Со стороны кажется, будто ему ноги ампутировали, — ядовито вставила Фэйфэй.

Хуа Ваньцин, некоторое время наблюдавшая за этим театром абсурда, тихо спросила у сидящей рядом Фэйфэй:

— А что врач-то говорит?

Фэйфэй сокрушённо вздохнула:

— Эх, врач посоветовал им обоим заглянуть к психиатру, когда время будет.

Ваньцин едва сдержала смех:

— Какая жалость.

Фэйфэй покачала головой:

— И не говори. Такие молодые — и такой запущенный случай.

Когда Бай Муюнь вернулся, усадив Лу Яня обратно, он наконец соизволил заметить Фэйфэй:

— Ты почему ещё здесь?

—... У меня поезд только днём, — процедила та. — Ты спросил об этом уже трижды, и я трижды ответила!

Бай Муюнь постучал себя по лбу:

— Извини, не запомнил.

Фэйфэй одарила его испепеляющим взглядом. «Использовал как рабочую силу, а теперь гонишь в шею?» — читалось в её глазах.

Через полчаса пришёл врач, чтобы сменить повязку. Он посмотрел на Муюня, который мёртвой хваткой вцепился в руку Лу Яня, затем на его преувеличенно тревожное лицо.

— Это просто перевязка... — буркнул доктор. — Он не ребёнок, к чему такой надрыв?

«Неужели у парней сейчас принято так дружить?» — подумал он. Хотя нет, это уже за гранью. Слишком... приторно.

Стараясь не смотреть на парочку, врач занялся делом. Лу Янь, почувствовав на себе его странный взгляд, покраснел до кончиков ушей и попытался высвободить ладонь.

Муюнь ответил ему взглядом, полным немного упрёка: «Ты меня больше не любишь? Почему не даёшь руку?»

Лу Янь отчаянно умолял его взглядом: «Здесь посторонние!»

Бай Муюнь лишь пренебрежительно фыркнул. Он не только не отпустил его ладонь, но и принялся ласково поглаживать Яня по щеке:

— Сильно болит, родной?

Лу Янь готов был провалиться сквозь землю. Не смея поднять глаз на врача, он умоляюще посмотрел на Фэйфэй и Ваньцин.

Фэйфэй тут же уткнулась в телефон с таким видом, будто решает государственные проблемы. Ваньцин лишь скрипнула зубами. Она не могла силой разнять этих двоих, но теперь окончательно поняла, что Муюнь имел в виду под словами «пусть всё идёт своим чередом». Никаких официальных заявлений — просто вести себя так, чтобы у окружающих не осталось сомнений.

«Как нагло, — подумала Ваньцин. — Невероятно нагло».

Бай Муюнь, забавляясь смущением Лу Яня, наконец смиловился и отпустил его, обратившись к врачу с самым серьёзным видом:

— Доктор, как заживают раны?

Врач, которому явно хотелось поскорее убраться из этой палаты, сухо ответил:

— Завтра выпишем. Дома будете мазать по инструкции, и всё пройдёт.

— Благодарю, доктор.

Врач собрал инструменты и почти выбежал за дверь.

— Бай Муюнь! — как только дверь закрылась, Ваньцин взорвалась, тыча в него дрожащим пальцем. — У тебя совесть есть?! Это и есть твоё «само собой»? Решил устроить каминг-аут через публичные нежности?

— Именно, — Бай Муюнь невозмутимо кивнул. — Я же говорил, Сестра Хуа, я не собираюсь прятаться.

Ваньцин глубоко вздохнула и прижала ладонь ко лбу:

— Это слишком вызывающе. Ты хоть понимаешь, что завтра все соцсети будут гудеть?

— Ну... погудят и привыкнут. Зато не придётся ничего объявлять официально.

— Отличный план! — Фэйфэй саркастично зааплодировала. — Наш Босс Бай знает, как медленно и верно доводить людей до инфаркта.

Лу Янь, как только они остались без посторонних, обхватил Муюня за талию и уткнулся лицом ему в грудь. В последние дни он стал невыносимо ласковым. Потёршись о его рубашку, он робко взглянул на Ваньцин:

— Сестра Хуа, не сердись на него. Сяо Бай не нарочно.

— Я нарочно, — перебил его Муюнь.

Лу Янь замер:

—...

Бай Муюнь погладил его по голове и встретился с ним взглядом:

— Янь-эр, я не хочу тебя скрывать. Не хочу этих тайных встреч и вечных прятков. Не хочу, чтобы всё повторилось... — Он осёкся, но Лу Янь всё понял. — Или ты сам хочешь оставить всё в тайне? Если так, то мы...

Лу Янь замотал головой, не выпуская края его рубашки из зубов, а потом, подумав, решительно кивнул. Он смотрел так преданно, с влажным блеском в глазах, что у Муюня перехватило дыхание. Захотелось немедленно его поцеловать, но, вспомнив о свидетельницах, он лишь бросил на них выразительный взгляд.

«Демоническая наложница... Чистое воплощение порока и очарования! — простонала про себя Ваньцин. — Как тридцатилетний мужик может быть таким милым? Даже я, со всей своей выдержкой, едва держусь, а уж Император Бай и вовсе пропал. Сдался в плен без боя».

Она тяжело вздохнула:

— Ладно, я поняла. Пойду прикажу запереть выход на крышу в офисе, а то пиар-отдел в полном составе решит оттуда сигануть от такой «натурализации».

Фэйфэй наконец оторвалась от выключенного телефона:

— Сестра Хуа, боюсь, вы недооцениваете масштаб катастрофы. Пойдёмте, выпьем кофе, я вам всё объясню.

Когда они ушли, Бай Муюнь снова переключил внимание на Лу Яня. Он легонько ткнул его пальцем в щеку:

— Ты ведь это специально, да?

— Что специально? — Лу Янь невинно захлопал глазами.

— Вот оно как, — Муюнь усмехнулся и сделал вид, что встаёт. Лу Янь тут же вцепился в его руку:

— Ты куда?

— За водой схожу.

— Не надо воды. Иди сюда, ты мне нужен.

Бай Муюнь решил помучить его ещё немного:

— И зачем же я тебе нужен?

— Просто иди сюда! — начал нервничать Лу Янь.

— Пока не скажешь — не подойду.

— Мы договаривались — минимум один поцелуй в день! Сегодня ещё не было!

— Кто это договаривался?

Лу Янь возмущённо округлил глаза:

— Ты что, отказываешься от своих слов?

— Вчерашний я обещал, а сегодняшний — нет. При чём тут я?

Лу Янь в гневе рванулся с кровати, но Муюнь тут же перехватил его и усадил обратно, тихо смеясь:

— Да шучу я, сиди спокойно.

Лу Янь обвил руками его шею, закидывая ноги ему на колени:

— Теперь не сбежишь.

— Не сбегу, — прошептал Муюнь.

Договорить он не успел — Лу Янь зажмурился и прижался к его губам. Одного касания ему показалось мало, он потянулся ближе, и тогда Муюнь просто усадил его к себе на колени, полностью отдаваясь этому долгому поцелую, сладкому, как спелый арбуз.

В пять вечера Бай Муюнь проводил Фэйфэй на первый этаж больницы.

— Слышал от Лу Яня, что твоему литературному сайту нужны инвестиции?

Фэйфэй покосилась на него:

— Решил купить мою лояльность и многолетнюю дружбу с Янем?

— Нет.

— Хм, — Фэйфэй посмотрела на морозящий за окном дождь. — Решил отблагодарить как «член семьи»? Не стоит. Мы дружим больше десяти лет, разве чувства меряются деньгами? — Она специально выделила «десять лет», надеясь задеть его.

Бай Муюнь остановился, мерно постукивая пальцем по ручке чемодана.

— Так тебе нужны деньги или нет? Три миллиона.

Фэйфэй замерла и обернулась:

— Ты за кого меня принимаешь? Я похожа на продажную девицу? — Встретившись с ним взглядом, она через пару секунд сдалась «власти капитала» и расплылась в безупречной улыбке: — Ладно, похожа. Когда босс переведёт деньги?

— В любое время.

— Договорились! С этого дня вы — мой любимый босс!

Муюнь негромко рассмеялся:

— Не нужно.

Его лицо стало серьёзным, он пристально посмотрел на Фэйфэй:

— Я делаю это не как «родственник» Лу Яня. Я инвестирую в тебя как в друга. Мы ведь друзья, верно?

Фэйфэй замерла. В глазах подозрительно защипало, но она привычно сязвила:

— А я думала, ты меня за человека не считаешь. Вечно ворчишь, когда я рядом.

Муюнь улыбнулся:

— А когда это я не платил за тебя в ресторанах? Ворчу — правда, потому что ты вечно работаешь «третьим лишним». Но и другом считаю — тоже правда. Я же не деревянный, мы столько лет вместе учились и кутили.

— Всё, дальше не пойду. У входа пресса, мне не стоит светиться, — Муюнь передал ей чемодан и положил сверху зонт. — Береги себя.

— Ага, иди уже, там тебя репортёры заметили.

— Счастливо.

— Увидимся.

В этот момент вернулся Цзи Бай с пакетами еды. Муюнь окликнул его:

— Проводи госпожу Цзинь до машины.

— Понял! — Цзи Бай передал еду Муюню и подхватил багаж Фэйфэй.

Следом зашёл Сяо Си, который раздал горячий кофе дежурившим у входа журналистам, за что получил хор благодарностей. Поначалу их было человек тридцать, но после интервью с Ваньцин многие разъехались. Остались лишь самые стойкие.

В городе К шёл дождь, на улице было сыро и зябко. Бай Муюнь распорядился, чтобы помощники каждый день покупали репортёрам горячий кофе. Разумеется, он не был святошей, пекущимся о чужом благе — он просто знал, что сытый журналист пишет куда менее ядовитые статьи.

<http://bllate.org/book/18159/1760688>